

ЕВГЕНИЙ БАРАНОВ

СИМБИОЗ

Евгений Баранов

Симбиоз

<https://litres.ru/73583674>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они называли это стабильностью. Он назвал это тюрьмой.

Л-41 — идеальный винтик в идеальной машине Единого Государства. Его работа — стирать грань между человеком и машиной. Его мир — стеклянные стены, цифровое солнце и абсолютная уверенность в правоте системы.

Но однажды он чувствует чужую боль. А в списке кандидатов космического проекта «Надежда» появляется женщина из Зоны — места, которое считают выжженной пустошью.

Она слышит голоса в металле. И она знает: Живой металл, который Совет собирается отправить на орбиту, — не просто материал. Это разум. Память. Надежда.

Л-41 должен сделать выбор: остаться идеальным номером или стать человеком. Выбрать порядок или будущее.

«Мы не знали, куда летим. Но впервые за сто лет мы были свободны».

Содержание

КОНСПЕКТ ПЕРВЫЙ: ИДЕАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Баранов

Симбиоз

*Прошлое осталось внизу. Будущее было впереди.
А между ними — мы. Архитекторы равновесия.
Строители нового мира. Те, кто выбрал свободу.
Мы не знали, куда летим. Но впервые за сто лет
мы были свободны.*

КОНСПЕКТ ПЕРВЫЙ: ИДЕАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ

ЗАПИСЬ 1. КООРДИНАТОР СИМБИОЗА

Меня зовут Л-41. Я — Координатор симбиоза.

Это звучит почти поэтично, хотя в Едином Государстве поэзия давно стала разделом прикладной математики. На моем левом предплечье выгравирован номер, под которым меня зарегистрировали при рождении, — ровно через сорок одну минуту после начала новых суток. Мать я никогда не знал, да это и не нужно: у каждого из нас восемьсот миллионов матерей — Единое Государство, и один отец — Благодетель.

За окнами моей комнаты — Город. Официально он называется Ковчегом, и это имя не метафора. Сто пятьдесят три года назад, когда Великая Сушка превратила большую часть планеты в выжженную, токсичную пустошь, уцелевшие построили этот город-крепость. Мы — пассажиры последнего корабля, застывшего в каменном океане пустыни. За Зеленой Стеной, питаемой электричеством от аккумуляторных башен, начинается Зона — там воздух жжет легкие, вода отравлена, а земля рассыпается в ядовитую пыль. Мы никогда не были там. Никто из нас.

Но мы не чувствуем себя запертыми. Потому что у нас есть работа.

Сейчас шесть пятьдесят три утра по Единому Времени. Через семь минут Большой Конвейер запустит первую линию. Я стою перед зеркальной стеной своей комнаты — все стены здесь стеклянные, чтобы ни у кого не возникло желания спрятаться, утаить что-то от других или от себя. В стекле отражается мужчина тридцати двух лет, с гладко выбритым лицом, коротко стриженными темными волосами и серыми глазами, которые смотрят прямо и спокойно. На груди — золотая бляха с моим номером. На левом виске — едва заметный шрам, оставшийся после установки нейроинтерфейса. Ему двадцать лет. Мне было двенадцать, когда я прошел инициацию и получил доступ к эмпатическим каналам.

Я поправляю юнифу — серо-голубую, стандартную для всех, кроме членов Совета, — и выхожу в коридор. Лифт

бесшумно скользит вниз, в чрево города, где никогда не гаснет свет и никогда не стихает гул машин.

Проходная завода — это триумфальная арка из полированного стекла и стали. Над ней светится лозунг, выложенный золотыми буквами: «СТАБИЛЬНОСТЬ — ВЫСШЕЕ БЛАГО, ВЫЖИВАНИЕ — ВЫСШАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ». Я прохожу сквозь рамки сканеров, прижимаю ладонь к считывающей панели. Контролерша, пожилая женщина с обвисшими щеками, напоминающими рыбы жабры, улыбается мне:

— Доброго ритма, Л-41. У вас сегодня пятеро на синхронизацию.

— Доброго ритма, Ю. Знаю. — Я киваю и прохожу внутрь.

Цех номер семнадцать — один из ста сорока, образующих Большой Конвейер. Это не просто производственная линия. Это организм. Представьте себе зал длиной в два километра, перекрытый стеклянным куполом, сквозь который льется искусственный свет, имитирующий солнечный. Вдоль стен — ряды станков, прессов, манипуляторов. Над головой — транспортные балки, по которым скользят краны, хватая заготовки и передавая их дальше. И везде — люди. Не толпа, а именно люди: каждый на своем месте, каждый выполняет свою операцию с точностью, отточенной годами тренировок.

Но люди здесь — только половина механизма. Вторая половина — роботы. Они не похожи на человекоподобные машины из древних фильмов, которые показывают в Музее До-

исторической Эпохи. Это — функции, воплощенные в металле. Рука с семью суставами, которая может повернуться под любым углом. Тележка на воздушной подушке, доставляющая детали с точностью до микрона. Сварочный аппарат, чья «голова» вращается на триста шестьдесят градусов, выпуская ослепительно-белую дугу.

Их движения ритмичны, как пульс. Их музыка — это ритмичный гул, шипение пневматики, звон металла о металл.

Но идеальный ритм возможен только тогда, когда человек и машина понимают друг друга без слов. Когда рабочий чувствует, куда двинется манипулятор за секунду до того, как тот начнет движение. Когда робот улавливает малейшую усталость в мышцах человека, он чуть замедляет темп, чтобы тот не ошибся.

Это называется эмпатической синхронизацией. Этим занимаюсь я.

Т-73 сидит в кресле настройки, похожем на гибрид зубоврачебного кресла и средневекового трона. Ему девятнадцать лет. Он пришел на Конвейер полгода назад, после окончания Школы Единого Труда. Лицо у него гладкое, как у всех в этом возрасте, — ни морщин, ни следов переживаний, которые система не одобряет. Только глаза чуть шире, чем нужно, — в них еще теплится то любопытство, которое нам предстоит отрегулировать.

— Л-41, — говорит он, когда я подхожу. В его голосе слышно облегчение. — Я думал, вы сегодня не придете.

— Я всегда прихожу, Т-73. — Я улыбаюсь — той самой стандартной, одобренной Скрижалью Поведения улыбкой, которая демонстрирует уверенность и доброжелательность. — Готов?

Он кивает, хотя в уголках губ заметно напряжение. Это нормально. Первые сеансы всегда пугают новичков. Им кажется, что они потеряют себя, растворятся в общем ритме. На самом деле они находят себя — находят свое идеальное место в механизме.

Я сажусь напротив него, подключаю диагностический модуль к своему нейроинтерфейсу. Легкий укол в висок — и мир вокруг слегка меняется: звуки становятся четче, цвета ярче, я начинаю слышать не только голоса, но и электрический фон машин, их тихое, постоянное пение.

— Смотри на меня, — говорю я. — Не отводи глаз.

Т-73 послушно смотрит. Я кладу руки ему на виски — там, где под кожей спрятаны контакты его интерфейса. Мои пальцы чуть теплые, я чувствую, как под ними пульсирует кровь.

— Сейчас я войду в твой контур. Ты почувствуешь мое присутствие — не бойся. Это я. Это просто я, Л-41. Я буду вести тебя.

Я закрываю глаза.

Погружение всегда похоже на падение в воду. Сначала — тишина, глухая, ватная. Потом — шум: биение сердца, движение крови, миллионы электрических сигналов, бегущих

по нервным окончаниям. Это тело Т-73. Я учусь чувствовать его.

Вот его дыхание — чуть учащенное, испуганное. Вот напряжение в плечах — он слишком сильно сжимает подлокотники. Вот сомнение — тонкая, холодная нить где-то в затылке, там, где древние, наверное, помещали совесть.

Я мягко касаюсь этой нити. Не убираю, нет — просто даю ему понять, что я здесь. Что бояться нечего.

«Расслабь плечи», — посылаю я импульс, не словами, а ощущением. Т-73 выдыхает, и я чувствую, как напряжение уходит.

Теперь нужно соединить его с машиной.

Рядом с нами стоит манипулятор — модель М-7, стандартный погрузчик. Я тянусь к нему своим сознанием. В ней-роинтерфейс встроен модуль связи с техникой — не прямой, конечно, не телепатия, а скорее эмпатический мост. Я чувствую машину так же, как чувствую человека: ее «настроение» (хотя у машин нет настроения, это просто состояние систем), ее готовность, ее ритм.

М-7 «спокоен». Его моторы работают ровно, сочленения смазаны, батарея заряжена. Я беру это ощущение и переправляю его Т-73.

«Чувствуешь?»

Он вздрагивает. Еще бы. Впервые ощутить чужое «я» — пусть даже это «я» машины — всегда шок. Но я держу его, не даю испугаться.

«Это просто железо, — посылаю я. — Но железо, которое будет слушаться тебя. Которое станет твоей рукой. Позови его».

Т-73 делает усилие. Я чувствую, как его сигнал — неуверенный, дрожащий — уходит в эфир. М-7 откликается — легким гудением, поворотом манипулятора.

— Получилось! — шепчет он вслух.

— Тише, — говорю я, не открывая глаз. — Не словами. Чувствами.

Мы работаем еще полчаса. Я постепенно ослабляю свою поддержку, позволяя Т-73 удерживать связь самостоятельно. К концу сеанса он уже уверенно «разговаривает» с М-7, и тот послушно двигается, подстраиваясь под ритм его дыхания.

Я открываю глаза. В них на мгновение двоится — реальность и эмпатический слой все еще накладываются друг на друга. Потом проходит.

— Ты справился, — говорю я Т-73. — Через три сеанса будешь работать самостоятельно.

Он улыбается — уже не той стандартной улыбкой, а своей, настоящей, благодарной.

— Спасибо, Л-41. Я чувствую... я никогда не чувствовал себя таким... нужным.

— Это и есть счастье, — отвечаю я. — Быть частью целого.

Я похлопываю его по плечу и иду к выходу из цеха. На душе спокойно и ровно, как всегда после удачной синхрони-

зации. Я сделал свою работу. Я сделал мир чуть более совершенным.

Вечером я сижу в своей комнате и просматриваю отчеты за день. Пятеро синхронизированы, двое направлены на дополнительное наблюдение, один — Т-73 — признан полностью готовым к самостоятельной работе. Цифры складываются в ровные, красивые графики.

За стеклянной стеной — закат. Наше солнце не настоящее, конечно. Настоящее убило бы нас за полчаса. Это гигантский экран на восточной стене Ковчега, который транслирует запись того, как выглядели закаты до Катастрофы: оранжевые, розовые, золотые. Говорят, раньше это было по-настоящему. Теперь это просто картинка. Но красивая.

Звонит коммуникатор.

Я смотрю на дисплей. Вызов зашифрован, источник — Центральный Уровень. Там заседает Совет.

— Слушаю.

— Л-41, — голос ровный, бесполый, явно синтезированный. — Явитесь в зал Совета через час. Вопрос государственной важности.

Экран гаснет. Я смотрю на свое отражение в темном стекле. Кто-то другой на моем месте, наверное, испугался бы. Вызов к Совету — это не рядовое событие. Это значит, что тебя заметили. Что ты нужен для чего-то большего.

Но я не испытываю страха. Только легкое, приятное волнение, как перед сложной синхронизацией. Еще одна задача.

Еще одна возможность послужить.

Я встаю, поправляю юнифу, прикалываю бляху ровно по центру груди. Выхожу в коридор.

Лифт уносит меня вверх, в ту часть города, где никогда не бывает простых номеров. Стеклянные стены сменяются матовыми, непрозрачными. Здесь другие законы. Здесь начинается тайна.

Я готов.

ЗАПИСЬ 2. ЗАПУСК "НАДЕЖДЫ"

Зал Совета находится на сто сорок втором уровне Центральной Башни — там, где стеклянные стены становятся зеркальными, отражая свет внутрь, чтобы никто снаружи не мог увидеть, что происходит внутри. Лифт поднимался долго, почти минуту, и за это время я успел мысленно перебрать все возможные причины вызова. Ошибка в отчетах? Но я проверял их трижды. Жалоба от кого-то из рабочих? Но синхронизация прошла штатно, Т-73 был доволен.

Двери открылись, и я оказался в коридоре, отделанном матовым стеклом. Здесь не было ни окон, ни дверей — только одна створка в конце, подсвеченная холодным голубым светом. Я пошел к ней, и мои шаги тонули в толстом, гасящем звуки покрытии пола.

Створка разъехалась беззвучно.

Внутри было полутемно. Только длинный стол из полиро-

ванного черного камня, над которым висело несколько светильников, направленных вниз — так, что лица сидящих оставались в тени, а руки, лежащие на столе, были ярко освещены. Я насчитал пять пар рук. Пять человек. Члены Совета.

— Л-41, — голос донесся из темноты справа. Женский, низкий, спокойный. — Садитесь.

Кресло напротив стола было пусто. Оно стояло на свету — единственное место, где освещение падало не на руки, а на сидящего. Я сел. Под ладонями — холодная, гладкая поверхность подлокотников. В лицо бьет свет, слепит, не дает разглядеть тех, кто напротив.

— Ваша работа за последние пять лет не вызывает нареканий, — начал другой голос, мужской, с легким металлическим оттенком — возможно, говорил через усилитель. — Тысяча двести тридцать семь успешных синхронизаций. Ноль отказов. Ноль девиаций.

— Я выполняю свой долг, — ответил я. Говорить в темноту, не видя собеседников, было непривычно, но я старался, чтобы голос звучал ровно.

— Долг, — повторил женский голос. — Хорошее слово. Но сейчас речь пойдет не о долге. О миссии.

Свет над столом чуть изменился — одна из ламп погасла, и в центре стола зажглась голографическая проекция. Я увидел Ковчег — наш город, каким его показывают в учебных фильмах: гигантский купол, окруженный стеной, и над ним — черное небо. Но в проекции над куполом появилась

тонкая нить, уходящая вверх, в космос, и на конце нити — сверкающая точка.

— Проект «Надежда», — сказал женский голос. — Вы знаете о нем?

— Только то, что разрешено знать всем. Подготовка к запуску орбитальных фабрик. Производство энергии и материалов вне атмосферы.

— Правильно. — Голос мужчины. — То, что разрешено знать всем. Но есть детали, которые разрешено знать немногим.

Проекция изменилась. Я увидел схему — сложное переплетение линий, узлов, соединений. Это напоминало нервную систему, если бы ее нарисовал инженер.

— Вы знакомы с понятием «Живой металл», Л-41?

— Разработка лаборатории Ф-3. Материал с программируемыми свойствами, способный менять структуру под воздействием электрических импульсов.

— Верно. — В голосе женщины послышалась улыбка. — Но это только верхний слой. Глубинные свойства материала сложнее. Мы обнаружили, что он... чувствителен.

— Чувствителен?

— К эмоциональному фону. К мыслям. К состоянию человека, который находится рядом.

Я молчал, переваривая информацию. Материал, который чувствует мысли? Это звучало как что-то из древних легенд о магии, а не из отчетов научного бюро.

— Не пугайтесь, Л-41, — сказал мужчина. — Это не мистика. Обычная физика, просто на том уровне, который мы только начинаем понимать. Электромагнитные поля человеческого мозга — слабые, но измеримые. Живой металл содержит структуры, способные резонировать с ними. В лаборатории это проявляется как микроскопические колебания, изменение конфигурации на атомном уровне. Ничего опасного.

— Но? — спросил я, потому что чувствовал, что «но» обязательно будет.

Пауза. Руки на столе чуть шевельнулись — пальцы переплелись, разжались.

— Но на орбите, — продолжил женский голос, — в условиях вакуума и невесомости, эти эффекты могут усилиться. Мы не знаем точно, как поведет себя материал в долгосрочной перспективе. Наша задача — доставить его на орбиту, развернуть фабрики и обеспечить стабильное производство. Для этого нам нужны люди. Не просто операторы. Люди с устойчивой психикой, не склонные к эмоциональным всплескам. Люди, которые смогут работать рядом с материалом, не влияя на него.

— И тут нужны вы, Л-41, — вступил мужчина. — Вы проведете психологическую инспекцию всего персонала, задействованного в проекте. Экипаж корабля, инженеры монтажа, операторы фабрик, даже уборщики. Каждый, кто ступит на борт «Ковчега-2», должен быть проверен вами лично.

— «Ковчег-2»? — переспросил я.

— Так назван корабль, который доставит груз на орбиту, — пояснила женщина. — Старт через шесть недель. У вас сорок два дня на проверку ста двадцати семи кандидатов. Это жесткий график, но мы уверены, что вы справитесь.

Сорок два дня. Сто двадцать семь человек. Почти по три человека в день, если работать без выходных. Но дело было даже не в количестве.

— Мне понадобится доступ к личным делам, — сказал я. — Полный доступ, включая закрытые разделы.

— Уже готово. — Рука в свете лампы пододвинула ко мне тонкую пластину — персональный терминал с расширенными полномочиями. — Ваш новый уровень допуска — «Архитектор». Ниже только Совет.

Я взял пластину. Она была теплой — видимо, только что снята с зарядки.

— Есть еще кое-что, Л-41. — Женский голос стал тише. — Возможно, вы столкнетесь с сопротивлением. Не все кандидаты будут рады проверке. Некоторые могут попытаться скрыть свои истинные эмоции. Ваша задача — видеть глубже. Используйте эмпатический канал не только для синхронизации, но и для диагностики. Если почувствуете что-то необычное — докладывайте немедленно.

— Что считать необычным?

— Любые сильные эмоции. Страх. Гнев. Тоску. Привязанность к кому-то, выходящую за рамки стандартных межлич-

ностных отношений. В проекте «Надежда» нет места лично-
му. Только общее.

Я кивнул. Это было логично. Эмоции — источник ошибок. Ошибки на орбите стоят дороже, чем на земле. Там нет права на сбой.

— Руководитель экспедиции уже утвержден, — сказал мужчина. — Вы будете работать с ним в тесном контакте. Он проинструктирован и ждет вас завтра в десять утра в лаборатории Ф-3. Вопросы?

Вопросов не было. Или я просто не успел их сформулировать.

— Свободны, Л-41. Доброго ритма.

Свет погас. Я встал, поклонился в темноту и вышел. В коридоре, уже у лифта, я заметил, что ладонь, сжимающая пластину терминала, слегка вспотела.

Ночью я не спал. Вернее, спал, но сны были странные — какие-то тени, движение, чужой шепот. Когда я проснулся, в голове осталось только ощущение, что кто-то звал меня по имени, но голос был незнакомым.

Утро началось как обычно: зарядка, завтрак, проверка графиков. Но в десять ноль-ноль я уже стоял перед дверью лаборатории Ф-3 на пятьдесят шестом уровне.

Лаборатория занимала целый этаж — огромное пространство, заставленное приборами, колбами, компьютерами. В центре, под стеклянным колпаком, находилось нечто, напоминающее гигантскую каплю ртути — она медленно перете-

кала, меняла форму, пульсировала. Живой металл. Вживую он выглядел еще более странно, чем на голограммах.

Рядом с колпаком стоял человек.

Я знал его в лицо — его портреты висели на Доске Почета в Центральном зале. С-7, главный инженер проекта «Рассвет» (теперь я знал, что это предшественник «Надежды»), создатель нескольких ключевых технологий, включая систему охлаждения для реакторов. Ему было около сорока, но выглядел он моложе — подтянутый, гладко выбритый, с короткими светлыми волосами и глазами такого ярко-синего цвета, что казалось, они светятся изнутри.

Когда я вошел, он обернулся и улыбнулся — не той стандартной, одобренной улыбкой, а настоящей, открытой, словно мы были старыми знакомыми.

— Л-41! — Он шагнул навстречу, протягивая руку. — Рад познакомиться лично. Читал ваши отчеты. Впечатляет.

Я пожал его руку — ладонь была сухой и теплой, рукопожатие уверенным, но не давящим.

— С-7, — ответил я. — Для меня честь.

— Бросьте эти формальности. — Он махнул рукой. — Здесь, в лаборатории, мы все коллеги. Зовите просто С-7, без титулов. Пойдемте, покажу, с чем нам предстоит работать.

Он подвел меня к колпаку. Капля металла внутри заметно оживилась — она вытянулась в тонкую нить, потом свернулась в кольцо.

— Видите? — С-7 смотрел на металл с почти отцовской

гордостью. — Он реагирует на присутствие. На вас, на меня, на любое изменение поля. Мы научились задавать ему простые формы — куб, шар, пирамида. Но потенциал... — Он покачал головой. — Потенциал безграничен. Представьте: корабль, который сам себя чинит. Здание, которое меняет форму под погоду. Скафандр, который подстраивается под тело пилота. Это будущее, Л-41. И мы летим, чтобы построить его.

Он говорил с такой убежденностью, что я невольно залюбовался. В его голосе не было пафоса, не было риторики — только спокойная, твердая вера в то, что он делает.

— Совет сказал, что металл чувствителен к эмоциям, — заметил я.

— Чувствителен — слабо сказано. — С-7 понизил голос, хотя кроме нас в лаборатории никого не было. — Он впитывает их. Как губка. Если рядом с ним долго находится человек в состоянии стресса, металл начинает вести себя непредсказуемо. Мы теряли образцы из-за того, что лаборант поссорился с женой перед работой.

— И поэтому нужна моя проверка?

— Именно. — Он повернулся ко мне, и я впервые заметил в его глазах что-то, похожее на усталость. Тень, скользнувшая по лицу и исчезнувшая. — Я отвечаю за техническую часть. За то, чтобы двигатели работали, стыковка прошла штатно, фабрики развернулись. Но люди... люди — это самое слабое звено. Один эмоциональный срыв — и мы мо-

жем потерять все. Годы работы. Миллиарды затраченных ресурсов. Надежду всего человечества.

— Вы действительно в это верите? — спросил я, сам не зная, зачем. — В то, что мы спасаем человечество?

С-7 посмотрел на меня долгим взглядом. Потом улыбнулся — той же открытой, теплой улыбкой.

— А вы разве нет? Посмотрите вокруг, Л-41. Ковчег — это чудо инженерной мысли, но он не вечен. Ресурсы иссякают. Воздух, вода, еда — все под контролем, но контроль не бесконечен. Рано или поздно нам понадобится новый источник. И он там. — Он поднял палец к потолку, за которым было небо. — Космос. Это единственный путь. И я сделаю все, чтобы по нему пройти.

В его голосе не было сомнений. Ни тени.

Я вдруг поймал себя на мысли, что завидую ему. Его уверенности. Его правоте.

— Можете начинать хоть сейчас, — сказал С-7, возвращаясь к деловому тону. — Я распорядился, чтобы вам предоставили отдельный кабинет в административном блоке. Туда же доставят личные дела кандидатов. Все сто двадцать семь. Если будут вопросы — я всегда на связи.

Он протянул мне свою визитную карточку — тонкий кристалл с вплавленным контактом.

— Спасибо, — сказал я, принимая кристалл.

— Это вам спасибо, Л-41. — Он снова улыбнулся. — За то, что делаете нашу работу возможной.

Я вышел из лаборатории с ощущением, что встретил идеал. Человека, который знает, зачем живет. Который не сомневается, не колеблется, не боится.

Интересно, каково это — быть таким?

Кабинет оказался маленьким, но удобным: стол, кресло, терминал, стул для посетителей. И стопка личных дел высотой почти в метр.

Я сел, включил терминал и начал читать.

Первые два часа слились в однообразную череду цифр и фактов. Дата рождения. Место обучения. Специальность. Медосмотры. Результаты тестов. Семейное положение (у большинства — стандартная пара, утвержденная Бюро Семейного Планирования). Хобби (у всех — коллекционирование голографических марок, это было модно в последние годы). Награды. Выговоры (почти ни у кого).

Люди как люди. Идеальные винтики в идеальной машине.

Потом я наткнулся на дело, которое заставило меня остановиться.

Р-7. Женщина, двадцать восемь лет. Специальность: инженер-биохимик. Образование: блестящее. Награды: три. Выговоры: ноль. Но в графе «Место рождения» стояло не стандартное «Родильный комплекс №4», а короткое, напечатанное красным: «Вне периметра».

Я перечитал еще раз. «Вне периметра». Это означало, что она родилась в Зоне.

Я знал, что такие люди существуют — те, кто выжил там,

за Стеной. Но никогда не встречал ни одного из них лично. Их было мало, единицы, и они проходили специальную адаптацию перед тем, как получить статус нумера. Я слышал, что некоторые из них становятся блестящими специалистами — возможно, потому что их мозг не был сформирован стандартными программами с рождения.

Я открыл фото.

На меня смотрела женщина с темными, чуть выющимися волосами, собранными в строгий пучок. Лицо — правильное, спокойное. Глаза — большие, темные, с легкой поволокой, которая делала взгляд глубоким, почти гипнотическим. Губы — чуть тронутые улыбкой, но не стандартной, а какой-то своей, словно она знала что-то, чего не знали другие.

P-7.

Я закрыл файл и открыл следующий. Но почему-то весь оставшийся день, перебирая дела за делом, я то и дело возвращался мыслью к ней.

Человек из Зоны. Что она помнит? Что видела? О чем думает, глядя на наши стерильные улицы, на идеальные газоны, на людей, которые никогда не видели настоящего неба?

Вечером, когда я вышел из кабинета, в коридоре было пусто. Только далеко в конце мелькнула чья-то тень — женский силуэт, быстрый, почти неуловимый. Я не разглядел лица, но почему-то подумал: это она.

Глупости. В Ковчеге девяносто тысяч номеров. Мало ли кто мог проходить мимо.

Я вернулся в свою комнату, лег и долго смотрел в стеклянный потолок, за которым горели искусственные звезды. Они были прекрасны. Идеально ровные, идеально яркие, каждая на своем месте.

Но почему-то в эту ночь мне захотелось увидеть настоящие. Хотя я знал, что это невозможно.

ЗАПИСЬ 3. ПЕРВЫЙ СБОЙ

Следующие три дня прошли в ритме, отточенном до совершенства. Утро — проверка текущих синхронизаций на Конвейере. День — работа с личными делами кандидатов в кабинете. Вечер — возвращение в комнату, ужин, сон. Цикл повторялся с точностью до минуты, и это успокаивало. В предсказуемости была безопасность.

Я изучил уже сорок три дела. Сорок три идеальных биографии. Сорок три человека, чья жизнь укладывалась в стандартные формы, как вода в стеклянную емкость. Никаких отклонений. Никаких зазоров. И только Р-7, чье дело я отложил в отдельную стопку, не выходила у меня из головы. Я перечитывал его снова и снова, пытаюсь найти что-то еще, какую-то деталь, которая объяснила бы, почему я не могу о ней забыть.

В графе «Примечания» значилось: «Адаптация пройдена полностью. Рекомендована к допуску уровня 3». Сухие слова. Ни слова о том, что она помнит. Ни слова о том, что чув-

ствуует.

Я запретил себе думать об этом и сосредоточился на работе.

На четвертый день в графике стояла синхронизация с Т-73. Второй сеанс, закрепляющий. Обычно после первого успеха пациент чувствует себя уверенно, и моя задача — лишь слегка корректировать, наблюдать, убеждаться, что связь стабильна.

Я пришел в цех за десять минут до начала. Т-73 уже сидел в кресле — ровная спина, руки на подлокотниках, взгляд устремлен в одну точку. Он выглядел спокойным, даже расслабленным. Хороший знак.

— Доброго ритма, — сказал я, подходя.

— Доброго ритма, Л-41. — Он улыбнулся — той же искренней улыбкой, что и в прошлый раз. — Я готов.

— Вижу. — Я сел напротив, подключил диагностический модуль. — Сегодня мы просто повторим то, что делали. Я буду рядом, но почти не буду вмешиваться. Ты сам поведешь.

Он кивнул. Я положил руки ему на виски, закрыл глаза.

Погружение прошло легко. Сознание Т-73 было открыто, спокойно, как гладь озера. Я скользнул внутрь, отметил ровное сердцебиение, отсутствие напряжения в мышцах, чистоту эмпатического канала. Хорошо. Очень хорошо.

«Я здесь», — послал я легкий импульс.

«Я чувствую», — пришел ответ. Не словами, а ощущением уверенности, тепла.

Мы потянулись к М-7. Манипулятор откликнулся сразу — его механическое «я» было знакомо Т-73, он уже научился чувствовать ритм машины. Я наблюдал со стороны, едва касаясь сознания подопечного, как тренер, наблюдающий за пловцом.

Связь установилась. М-7 плавно поднял манипулятор, повернул, опустил. Т-73 дышал ровно, его эмпатический сигнал был чистым, без помех.

Я уже собирался мысленно похвалить его, когда это случилось.

Сначала я подумал, что ошибся. Что это мое собственное сердцебиение, искаженное интерфейсом. Но сердце билось ровно, а сигнал, пришедший по каналу, был чужим.

Боль. Не физическая — душевная. Острая, режущая тоска, от которой перехватывает горло и хочется сжаться в комок. И страх — животный, ледяной, от которого немеют пальцы.

Это длилось не больше секунды. Долю секунды. Но я почувствовал это так ясно, словно сам переживал.

Я открыл глаза.

Т-73 сидел передо мной, такой же спокойный, как минуту назад. Его лицо не выражало ничего, кроме легкого удовлетворения от хорошо выполненной работы.

— Что-то случилось? — спросил он, заметив мой взгляд.

Я смотрел на него, пытаюсь найти следы той эмоции, что только что пронзила меня. Ничего. Чистое, гладкое лицо

идеального нумера.

— Нет, — ответил я. — Все в порядке. Продолжай.

Мы закончили сеанс. Т-73 ушел на линию, довольный и спокойный. А я остался в кресле, глядя на показания диагностического модуля.

Все было в норме. Частота сигнала — стандартная. Амплитуда — в пределах допуска. Помех не зафиксировано.

Но я знал, что не ошибся. Я что-то почувствовал. Вопрос — что именно и откуда оно взялось.

Я записал инцидент в рабочий журнал как «фантомную помеху, возможный сбой оборудования». Формулировка, которая не вызовет вопросов, но оставит мне возможность вернуться к этому позже.

Оборудование я проверил трижды. Оно работало идеально.

Весь остаток дня меня не покидало странное чувство — будто в хорошо смазанном механизме моей жизни появилась песчинка. Маленькая, почти незаметная, но она терлась где-то внутри, напоминая о себе.

Я провел еще две синхронизации — с пожилым оператором прессы и молодой женщиной-сборщицей. Обе прошли штатно, без отклонений. К вечеру я почти убедил себя, что утром мне просто показалось. Мало ли какие фантомы может породить переутомление? А я работал по двенадцать часов последние дни.

На закате я вышел из административного блока и напра-

вился к жилому сектору. Дорога вела через парк — ту самую искусственную зелень, которая должна была напоминать нам о том, что мы потеряли. Деревья здесь были настоящими — их вырастили в специальных оранжереях из семян, собранных до Катастрофы. Но они росли в строгом порядке, ровными рядами, и под ними не было ни одного опавшего листа — уборочные машины работали круглосуточно.

Я шел по дорожке, слушая, как ветер (тоже искусственный, создаваемый огромными вентиляторами) шелестит листвой. Где-то вдалеке играла музыка — стандартные мелодии, одобренные Бюро Эстетики. Ритмичные, успокаивающие, без резких переходов.

И тут я увидел ее.

Она стояла у края дорожки, чуть в стороне от фонарей, так что свет падал на нее сбоку, вырезая четкий профиль на темном фоне деревьев. Темные волосы, собранные в пучок. Прямая спина. Руки слегка согнуты в локтях, пальцы сплетены — жест, который я видел тысячу раз, но в ее исполнении он казался не механическим, а каким-то... осознанным.

P-7.

Я узнал ее сразу, хотя в жизни она выглядела иначе, чем на фотографии. Фотография была плоской, мертвой. А здесь — живая женщина, дышащая, смотрящая.

На меня.

Ее взгляд встретился с моим, и я почувствовал то же, что утром во время синхронизации: холодок, пробежавший по

спине. Но это не была та острая эмоция. Это было что-то другое — узнавание? Интерес?

Я замедлил шаг. Она не отводила глаз.

По правилам этикета, незнакомые номера при встрече должны обмениваться стандартным приветствием и разойтись. Никто не смотрит так пристально. Никто не задерживает взгляд дольше положенной секунды.

Она задерживала.

Я подошел ближе. До нее оставалось метров пять, когда она вдруг улыбнулась. Не той стандартной улыбкой, которую вдалбливают в школе. А другой — чуть заметной, уголками губ, словно она знала что-то, чего не знал я.

— Доброго ритма, — сказал я, останавливаясь.

— Доброго ритма, Л-41, — ответила она.

Голос у нее был низкий, чуть хрипловатый. Не такой, как у других женщин. В нем не было механической ровности — были живые интонации, повышения и понижения, которые делали речь почти... музыкальной.

— Мы не знакомы, — сказал я. Это был не вопрос, а констатация факта.

— Мы знакомы, — ответила она. — Вы изучали мое дело. Р-7. Инженер-биохимик. Кандидат в проект «Надежда».

Я моргнул. Откуда она знает, что я изучал ее дело? И откуда знает, что я работаю с кандидатами?

— Ваше имя есть в списке, — сказал я осторожно. — Все кандидаты проходят проверку. Это стандартная процедура.

— Конечно. — Она чуть наклонила голову, и в этом движении было что-то неувлимо кошачье. — Стандартная процедура. Как ваша синхронизация сегодня утром?

У меня перехватило дыхание.

— Откуда вы...

— Я ничего не знаю, Л-41. — Она подняла руку, останавливая мой вопрос. — Я просто спросила. Синхронизация прошла хорошо?

Я смотрел на нее, пытаюсь понять, что происходит. Она не могла знать. Никто не мог знать. Данные синхронизации — закрытая информация, доступная только мне и Совету.

— Прошла штатно, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Штатно, — повторила она. — Хорошее слово. Оно означает «как всегда». А вы любите, когда все как всегда, Л-41?

— Я люблю, когда все работает. — Я уже начинал раздражаться. — Это моя работа.

— Работа, — она снова улыбнулась той странной улыбкой. — Знаете, я тоже люблю свою работу. Но иногда мне кажется, что работа — это не все.

Она сделала шаг назад, в тень деревьев.

— Подождите, — сказал я. — У меня есть вопросы.

— У всех есть вопросы, Л-41. — Ее голос доносился уже из темноты. — Но не все готовы услышать ответы.

— Какие ответы?

Тишина. Я шагнул вперед, туда, где она только что стояла. Под деревьями было пусто. Только ветер шелестел листвой да где-то далеко играла все та же успокаивающая музыка.

Я обошел несколько деревьев, заглянул за кусты — никого. Она исчезла, словно ее и не было.

Несколько минут я стоял, пытаюсь восстановить дыхание. Сердце колотилось где-то в горле. Я заставлял себя думать логически.

Она кандидат. У нее есть доступ к информации о проверках? Возможно, если она работает в смежной области. Она могла видеть мое имя в списках. Могла случайно узнать, что я сегодня проводил синхронизацию. Совпадение.

Но взгляд. Та улыбка. И эти слова — «не все готовы услышать ответы».

Я вытер вспотевший лоб. Нужно было идти домой. Нужно было спать. Завтра новый день, новые синхронизации, новые дела.

Но всю дорогу до жилого сектора мне казалось, что кто-то смотрит на меня из темноты. Я оборачивался несколько раз — никого.

В комнате я включил весь свет, какой только можно. Стекланные стены сияли, отражая меня со всех сторон. Я смотрел на свое отражение и видел человека, который пытается убедить себя, что все в порядке.

Я открыл терминал и снова вызвал дело Р-7.

Фотография смотрела на меня с экрана — те же глаза, те

же губы. Но теперь в ее улыбке мне чудилось что-то насмешливое.

«Родилась вне периметра», — прочитал я снова.

Что она помнит? Что видела там, за Стеной? Чему научилась?

И главное — чего она хочет?

Я закрыл дело и выключил терминал. Лег в кровать, уставился в стеклянный потолок, за которым горели искусственные звезды.

В эту ночь я снова видел сны. Мне снилась пустыня — бескрайняя, желтая, под настоящим, обжигающе ярким солнцем. Я стоял один среди песка, и ветер нес пыль, хлеставшую по лицу. А где-то далеко, у горизонта, маячила женская фигура. Она не оборачивалась, но я знал — это она.

Я проснулся в холодном поту за час до подъема.

И понял, что с сегодняшнего дня все будет по-другому. Потому что песчинка, попавшая в механизм, уже начала его разрушать.

ЗАПИСЬ 4. МАТЕРИЯ И ДУХ

Утром я проснулся с тяжелой головой. Сны о пустыне не отпускали, оставляя после себя липкое чувство тревоги, которое не проходило даже после холодного душа и завтрака. Я заставил себя сосредоточиться на графике: сегодня предстояло посетить лабораторию Ф-3 для углубленного изучения

свойств Живого металла. Совет считал, что я должен понимать материал не только по отчетам, но и видеть его своими глазами, чувствовать — насколько это возможно для человека без специального оборудования.

Лаборатория встретила меня привычным гулом приборов и запахом озона. Ф-3 я нашел в дальнем конце зала, за огромным столом, заваленным распечатками, схемами и какими-то непонятными деталями. Он стоял ко мне спиной, сгорбившись над микроскопом, и что-то бормотал себе под нос.

— Ф-3? — позвал я, подходя ближе.

Он вздрогнул, обернулся, и я увидел лицо, которое могло бы принадлежать персонажу древних легенд о мудрецах. Глубокие морщины прорезали лоб и щеки, седые волосы торчали в разные стороны, словно он только что провел по ним руками, но глаза — глаза были молодыми, живыми, полными того самого любопытства, которое система пыталась искоренить в каждом из нас.

— А, Л-41! — Он протер очки, надел их и улыбнулся. — Ждал вас. Совет сказал, что вы придете. Хотят, чтобы вы понимали, с чем имеете дело. Правильно хотят. Очень правильно. Идемте, идемте.

Он засеменял вдоль стола, увлекая меня за собой. Мы прошли через весь зал к стеклянному колпаку, который я видел в прошлый раз. Капля металла внутри колыхалась, переливалась, словно живая.

— Вот, — Ф-3 с гордостью указал на колпак. — Наше дитя. Наше чудовище. Наша надежда и наше проклятие. Смотря как посмотреть.

— Проклятие? — переспросил я.

— Шутка. — Он махнул рукой. — Стариковская шутка. Хотя, знаете, в каждой шутке... Но не будем о грустном. Смотрите.

Он подошел к пульту управления, нажал несколько клавиш. Внутри колпака что-то изменилось — я не сразу понял, что именно. Капля перестала просто колыхаться. Она начала принимать форму. Сначала — идеальный шар. Потом — куб. Потом — пирамиду.

— Электрические импульсы, — пояснил Ф-3. — Слабые, совсем слабые. Материал построен так, что его кристаллическая решетка подвижна. Мы подаем сигнал — атомы перестраиваются. Простая физика. Никакой магии.

— Но выглядит как магия, — сказал я.

— Выглядит, — согласился он. — Внешность обманчива. Как и все в этом мире.

Он выключил пульт, и металл медленно вернулся в исходное состояние — бесформенную каплю.

— Самое интересное начинается, когда мы убираем контроль, — продолжил Ф-3, понижая голос. — Смотрите.

Он достал из кармана небольшой предмет, похожий на брелок, и поднес его к стеклу колпака. Металл внутри дернулся, вытянулся в сторону брелока, словно пытаясь дотя-

нуться.

— Что это? — спросил я.

— Простая батарейка, — ответил Ф-3. — Источник слабого электромагнитного поля. Металл тянется к нему. Почему? Потому что поле — это энергия. А энергия — это жизнь для этой штуки. Понимаете? Он не просто реагирует на команды. Он ищет. Он хочет.

— Хочет? — Я невольно усмехнулся. — Вы говорите о материале, как о живом существе.

— А вы не смейтесь. — Ф-3 посмотрел на меня поверх очков. — Я тридцать лет работаю с этим. Тридцать лет. И знаете, что я понял? Грань между живым и неживым тоньше, чем мы думаем. Вот вы — Координатор симбиоза. Вы соединяете людей и машины. Вы чувствуете машины. Скажите, они живые?

— Они... — я задумался. — Они функциональные. Они работают.

— Работают, — повторил Ф-3. — А человек? Тоже работает. Только по-другому. Но если машина начинает работать не по программе, если она отклоняется — мы говорим «сбой». А если человек отклоняется — мы говорим «болезнь». Или «преступление». Или «душа».

Последнее слово он произнес с особенной интонацией, словно пробуя его на вкус.

— Душа — это устаревший термин, — сказал я автоматически. — Из доисторической эпохи.

— Знаю, знаю. — Он махнул рукой. — Меня учили так же. Но когда тридцать лет смотришь, как кусок металла тянется к свету, начинаешь думать: а может, в нем тоже что-то есть? Какая-то искра?

Я молчал, не зная, что ответить. Старик явно был гением, а гениям прощают странности.

— Ладно, — Ф-3 тряхнул головой, словно отгоняя мысли. — Вы здесь не за этим. Совет хочет, чтобы я рассказал вам о свойствах материала. О настоящих свойствах. Тех, о которых не пишут в отчетах.

Он жестом подозвал меня ближе и заговорил тише:

— Видите ли, Л-41, электрические импульсы — это только верхушка. То, что мы можем контролировать. Но материал реагирует не только на них.

— На что еще?

— На людей. — Ф-3 посмотрел мне прямо в глаза. — На их состояние. Настроение. Эмоции. Если рядом с материалом долго находится человек в сильном возбуждении — гнев, страх, радость — материал начинает вести себя непредсказуемо.

— Совет упоминал об этом, — кивнул я. — Чувствительность к эмоциональному фону.

— Чувствительность, — Ф-3 усмехнулся. — Хорошее слово. Безопасное. Научное. А знаете, что происходит на самом деле? Материал не просто чувствует. Он записывает. Впитывает. Как губка. Если вы злы — он запомнит вашу

злость. Если вы счастливы — запомнит счастье. И потом, когда вы уйдете, он будет вести себя соответственно. Понимаете? Он учится.

Я переваривал информацию. Материал, который учится. Который запоминает эмоции. Это звучало уже не как физика, а как что-то на грани...

— Поэтому вы проверяете кандидатов, — продолжал Ф-3. — Поэтому Совет так озабочен их психологической устойчивостью. Потому что на орбите, в замкнутом пространстве, с этим материалом будут работать одни и те же люди месяцами. И если у кого-то из них случится срыв...

— Материал выйдет из-под контроля, — закончил я.

— Именно. — Ф-3 вздохнул. — Мы уже теряли образцы. Один лаборант, знаете, поссорился с женой перед сменой. Пришел злой, раздраженный. Проработал с металлом два часа. На следующий день образец вел себя так, словно пытался... не знаю, как сказать... отомстить? Он отказывался принимать заданные формы, дергался, царапал стенки контейнера. Пришлось уничтожить.

— И часто такое бывает?

— Достаточно, чтобы мы научились бояться. — Ф-3 криво улыбнулся. — Но это еще цветочки. Самое страшное случилось, когда мы отправили партию в Зону.

Я насторожился.

— В Зону?

— Да. Год назад. Решили провести полевые испытания —

проверить, как материал ведет себя в агрессивной среде, без защиты лаборатории. Отправили два десятка дронов с образцами. Дроны должны были собирать данные, а потом вернуться.

— И?

— И ничего. — Ф-3 развел руками. — Связь пропала через три дня. Последний сигнал был странный. Очень странный. Дрон передавал данные, но они были... нечитаемыми. Какая-то абракадабра. Словно он пытался говорить на другом языке.

— Может, помехи?

— Может. — Ф-3 пожал плечами. — А может, и нет. Зона — место странное. Там до сих пор действуют старые поля, старые технологии. Кто знает, что могло произойти с материалом в тех условиях.

— И что Совет? Не пытались найти?

— Пытались. Отправили поисковую группу. — Ф-3 помолчал. — Группа не вернулась.

У меня перехватило дыхание.

— Не вернулась?

— Да. Три человека. Хорошие специалисты. Мы получили от них несколько сигналов — обрывки, помехи. Потом тишина. Совет объявил, что они погибли при исполнении, и запретил любые дальнейшие экспедиции в тот район. Слишком опасно, сказали. Слишком рискованно.

Я молчал, пытаюсь осмыслить услышанное. Дроны с Жи-

вым металлом, потерянные в Зоне. Люди, не вернувшиеся из поиска. И теперь — новый проект, новая экспедиция, новый металл.

— Вы думаете, это связано? — спросил я. — То, что случилось тогда, и то, что мы делаем сейчас?

— Я думаю, — медленно произнес Ф-3, — что мы не знаем о Живом металле и половины того, что должны знать. Мы умеем им управлять. Мы научили его принимать формы. Но мы не знаем, чего хочет он сам.

— Он — материал. У него не может быть желаний.

— Не может, — согласился Ф-3. — Но вы же Координатор симбиоза. Вы соединяете людей и машины. Скажите, машины хотят чего-нибудь?

Я открыл рот, чтобы ответить, и закрыл. Потому что вспомнил утренний сеанс с Т-73. Вспомнил ту острую, чужую боль, пронзившую меня. Откуда она взялась? От Т-73? Но он был спокоен. От машины? Но машины не чувствуют боли.

— Вы что-то вспомнили, — сказал Ф-3, внимательно глядя на меня.

— Нет, — ответил я слишком быстро. — Просто задумался.

Он не стал настаивать. Только покачал головой и снова повернулся к колпаку с металлом.

— Знаете, Л-41, иногда мне кажется, что мы играем с огнем. Что этот материал — не просто новая технология. Это

что-то большее. Что-то, что может изменить нас. Не только нашу жизнь — нас самих. Понимаете? Не мы будем управлять им, а он — нами.

— Это звучит как паранойя, — сказал я.

— Возможно. — Ф-3 усмехнулся. — Но паранойя — это тоже форма знания. Искаженная, но форма.

Он протянул руку и выключил подсветку колпака. Металл внутри потемнел, замер.

— Идите, Л-41. У вас много работы. И будьте осторожны. Особенно с кандидатами. Особенно с теми, кто родился не здесь.

Я вздрогнул.

— Что вы имеете в виду?

— То и имею. — Ф-3 посмотрел на меня поверх очков. — Люди из Зоны — они другие. Они видели то, чего мы не видели. Они чувствуют то, чего мы не чувствуем. И если металл действительно впитывает эмоции...

Он не закончил фразу. Но я понял.

Р-7. Родилась вне периметра.

— У вас есть кто-то конкретный на примете? — спросил я осторожно.

— Нет, нет, — Ф-3 махнул рукой. — Просто общее предостережение. Стариковское брюзжание. Не обращайтесь внимания.

Но я уже обратил. И теперь мысль о Р-7 сверлила мозг, не отпускала.

Я попрощался с Ф-3 и вышел из лаборатории. В коридоре было пусто, только где-то вдалеке гудел лифт. Я шел медленно, переваривая услышанное.

Дроны с Живым металлом, потерянные в Зоне. Группа, не вернувшаяся из поиска. Материал, который впитывает эмоции и учится на них. И женщина из Зоны, которая смотрела на меня так, словно видела насквозь.

Слишком много совпадений для одного дня.

Я вернулся в кабинет, открыл терминал и снова вызвал дело Р-7. Долго смотрел на фотографию, пытаюсь найти в ее лице что-то, что объяснило бы мое беспокойство. Но фотография молчала.

В графе «Особые отметки» значилось: «Прошла полную адаптацию. Рекомендована к работе с материалами высокой чувствительности».

Высокой чувствительности. Как Живой металл.

Я закрыл файл и откинулся на спинку кресла. За окном (вернее, за стеклянной стеной) искусственное солнце клонилось к закату. Скоро начнется ночь, а с ней — сны.

Интересно, что мне приснится сегодня? Пустыня? Или, может быть, терянные дроны, блуждающие в Зоне с кусками живого металла, который помнит эмоции погибших людей?

Я помотал головой, отгоняя мысли. Работа. Нужно работать. Нужно проверять кандидатов. Нужно готовиться к запуску.

Но когда я вышел из кабинета и направился к лифту, я

поймал себя на том, что смотрю по сторонам, ищу глазами темноволосую женщину с глубоким взглядом.

Ее нигде не было.

Или она просто хорошо пряталась?

ЗАПИСЬ 5. НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Сигнал тревоги я услышал еще в коридоре, за двести метров до входа в цех. Он был не таким, как обычно — не учебным, не профилактическим. В этом звуке было что-то другое, какая-то надрывная нота, от которой по спине пробежал холодок.

Я побежал.

В цехе номер двенадцать, где собирали корпуса для малых дронов, творилось нечто невообразимое. Рабочие стояли плотной группой у дальней стены, прижавшись друг к другу, как испуганные дети. Несколько человек в белых халатах медиков суетились вокруг носилок, на которых лежало тело. Я увидел кровь — ярко-красную, неестественно яркую на сером полу.

А в центре зала, окруженный мигающими ограждениями, застыл робот-манипулятор М-12. Его гидравлическая «рука» была вытянута вперед, и на конце ее, там, где обычно крепился схват, темнело что-то... Я подошел ближе и увидел: это была арматурная заготовка, кусок толстого металлического прута, зажатый в манипуляторе вместо штатного

инструмента. На пруте — бурая, уже подсыхающая кровь.

— Что случилось? — спросил я у ближайшего рабочего, пожилого мужчины с трясущимися руками.

— Он... он сошел с ума, — пробормотал тот, не глядя на меня. — Работал как обычно, а потом вдруг... повернулся, схватил первый попавшийся прут и ударил Петра. Один раз. Прямо в голову.

Я подошел к носилкам. Петр — П-24, как я узнал позже по бляхе — лежал с закрытыми глазами. Лицо было залито кровью, но, кажется, он дышал. Медики уже накладывали повязку, действуя быстро и слаженно.

— Выживет? — спросил я у врача.

— Должен, — ответил тот, не отрываясь от работы. — Сотрясение, перелом черепа, но жить будет. Если, конечно, инфекция не...

Он не договорил. Инфекция в Ковчеге была редкостью, но в Зоне... Впрочем, Зона была далеко.

Я вернулся к роботу. Он стоял неподвижно, словно ничего не произошло. Только легкое гудение моторов говорило о том, что он включен, работает, ждет команд. И эта зажатая в манипуляторе арматура — орудие преступления.

Подошел техник, молодой парень с бледным лицом.

— Мы его отключили, — сказал он. — Дистанционно. Но он не сопротивлялся. Просто замер.

— Кто работал с ним до аварии?

— Я. — Техник сглотнул. — То есть не я, а... в смысле,

он работал, а я наблюдал. Все было нормально. Он выполнял стандартные операции. А потом...

— Потом?

— Потом он замер на секунду. Словно... слушал что-то. А потом схватил прут и ударил. Я даже не успел ничего сделать. Все произошло за пару секунд.

Я оглянулся на толпу рабочих. Они все еще стояли у стены, испуганные, растерянные. Никто не расходился, хотя тревога уже отзвучала. Люди боялись — не столько работа, сколько того, что за этим последует. Расследование. Допросы. Возможно, наказания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.